

Дни своего юбилея, «такого серьезного, невиданного» (ее слова), выдающаяся балерина Майя Михайловна Плисецкая поделила между Парижем, Мюнхеном и Москвой, где вечером 28 ноября состоится ее творческий вечер в Большом театре. Следом будет еще гала-концерт в Санкт-Петербурге.

Сеанс телепатического общения

Но сегодня балерина — одна из немногих, кого мир знает по имени, кто «обтанцевал всю планету», — сегодня Майя в Москве, и за нее, естественно, охотятся толпы мечтающих взять интервью журналистов (их можно понять). Примадонна от них прячется (ее тоже можно понять). Она устала от слов.

Да и что, собственно, говорить? Все, кажется, спрошено, все сказано, есть громадная, почти в 500 страниц, книга самой балерины, сотни статей, монографии, альбомы... Правда, организаторы обещают коротеньку пресс-конференцию М.М. перед отлетом в С.-Петербург, когда она будет явлена прессе — одна сразу на всех.

Поэтому взял книгу М.М., обложился ее давними и самыми последними интервью и, следя не букве, а духу, мысленно провел с ничего не подозревающей великой женщины своего рода сеанс бесконтактного телепатического общения. А почему бы и нет?

Тем более что, как она сама на днях сказала в парижском интервью по поводу премьерного балета «Оборотень», — «это мистика, а я мистику люблю».

Мой первый вопрос в этом интервью был бы из разряда неизвестных, неспешных. Столько было написано о М.М., столько сказано комплиментов в ее адрес, что хотелось бы спросить: чье высказывание сильнее прочих открыло ей саму себя, окрылило, тревожно озадачило, поразило. Ведь это важно — что и как сказано об артисте. Одной балерине в прошлом веке посчастливилось, что ее воспел один ее современник в изумительных стихах. Надо ли напоминать? «Блистательна, полувоздушна, Смычку волшебному послушна, Толпою нимф окружена, Стоит Истомина...» Замечательно сказано о молодой Грете Гарбо — «этая женщина создана из снега и одиночества». Фраза — ясновидица, фраза — судьба.

Майя Михайловна сама знает толк в смыслах и словах. Человеку, умеющему написать о «замечательно воспитанной ступне» Улановой или о музыке Щедрина, «свежей и сочной, как антоновское яблоко», — этому человеку не нужны просто похвалы.

Листа ее книги, альбомы... Что могло запасть ей в душу? Стихотворение Вознесенского? Реплика Жаклин Кеннеди: «Вы совсем, как Анна Каренина?». Афоризм Бежара: «Майя — это пламя в мире танца»?

Или это было что-то совсем другое, не от мира слов — какая-то мелодия, прикосновение руки в дни отречений, тайнопись чьего-то влюбленного взгляда?..

Хореография боли. «Балы жертв»

Когда говорят о трагической мощи таланта Плисецкой («Анна

Каренина», «Кармен», «Федра», «Мария Стюарт»), невольно вспоминаются некоторые страницы ее мемуаров. Трагичность, наверное, может сыграть и беспечный гений, баловень судьбы, но, по-видимому, муга трагедии больше доверяет тем, в ком есть ген страсти, в зрачки кого — по жизни — вперялся «луч мглы».

Это ведь вообще загадка, как в творческого человека перетекает жизненный опыт и как подлинные драмы, ужасы, зло жизни обретают в сердце художника метафори-

думаю, что к Плисецкой вообще нельзя подходить с общей меркой. Не потому, что она заслуженная, великая, на особом положении и т.п. Все гораздо проще. Она живет «между», там, где обитают все художники, поэты, творцы, — в зазоре между реальностью и иллюзией. В известном смысле она «притворяется», что принадлежит к стопроцентным землянам.

Многим ли приходило в голову, что Майя в отличие от большинства нормальных людей несравненно больше времени провела в воздухе, в отрыве от земли, и в этом смысле поддержки мужчин-партнеров носят чисто условный характер. Парение в воздухе не могло не наложить отпечаток на весь состав ее натурь. Она может всю жизнь болеть за ЦСКА, ходить в магазины за хлебом и говорить с

людьми не позволяющими себе сам.

Никогда бы Майя не ощущала своей свободы в состоянии бегемотики. Разве нас меняет простое перемещение в географическом пространстве? Свобода (как несвобода) всегда внутри нас есть. И никогда бы М.М. не принимала дары своей славы с открытой душой так, как она их принимала из рук испанского короля или французского президента, если бы она не доказала, что никто не может лишить ее свободного полета поверх барьеров.

Да, но...

Триумфальная эйфория общего признания, пора собирания золотых плодов таят в себе опасности. Это видно и по ее книге, необыкновенно интересной, но...

В этом месте нашего телепа-

тинга хотелось бы еще ее спросить. Я бы включил ее любимую мелодию из чаплинских «Огней рампы» и попросил рассказать об Али Шелест, единственной из современниц, которую М.М. назвала гениальной, о Сальвадоре Дали, Шостаковиче, Марии Каллас... Было бы интересно также узнать, что побудило ее к неожиданным суждениям о режиссере Юрии Любимове, журналисте Коротиче и других людях с определенным режиморбским диссидентским имиджем. Но у меня остается время только на последний и важный юбилейный вопрос — о самом дорогом для нее подарке в жизни.

Были ли это сережки, которые ей подарила Лили Брик в пору своей нищеты (в ее доме М.М. встретила Щедрину). Или самый дорогой подарок она приняла из рук трогательно ухаживавшего за ней Роберта Кеннеди? Или это был Марк Шагал, которому она в Париже позировала для его панно в «Метрополитен» в Нью-Йорке (где потом она «угадала» себя в фигурке летящей балерины)? Но, может быть, она скажет: дороже всех подарков была для меня щедринская музыка к балету «Дама с собачкой». М.М. приводит в книге его слова:

— Это тебе ко дню рождения, не колечко же с бриллиантом дарить...

Впрочем, как знать, что она ответит на этот вопрос. Во всяком случае, я попытаюсь спросить ее об этом на предстоящей пресс-конференции.

И последнее, нескончаемое...

Когда в дни больших юбилеев говорят о возрасте артистов (и в отношении М.М. сейчас касаются этой темы, да и она сама в том самом стремлении «быть, как все земляне», тоже спешит упомянуть о «своловом возрасте»), не совсем понимают особые отношения людей этого типа с временем, в котором категории возраста, стажа, срока, своеобразности — не больше, чем частности привильной хронологии, датировки. Мы же уже говорили о том, что Майя почти всю жизнь провела в отрыве от земли, а там, в пространстве искусства, — другие часы, другое время. Там не Хронос, одинаковый для всех, а библейское откровение Вечного Мира.

Вот почему так смешно выглядят выставленный на доске объявлений Большого пенсионерский список с фамилией Плисецкой. Вот почему в ее восприятии «оттуда» и шевельнувшись в золоченой ложе ряжие усы Сталина, и фигура снятого Серова на троне в дачном поселке видятся не зловеще, не реально, а как персонажи какого-то мистического балета при неясном свете свечей, а то и при луне...

Вопрос о времени, о возрасте Плисецкой бессмыслен. У таких людей, как Майя, все всегда будет впереди. Древний мудрец призывал людей: учитесь держаться ни на чем, как звезды. Это трудно. Но, как видим, некоторые научились.

...Майя Михайловна как-то сказала, что будет танцевать до 107 лет. Я верю в это. И прошу ее в 2032 году дать мне уже не воображенное, а настоящее интервью. До встречи через 37 лет, Майя!

Майя научилась держаться ни на чем, как звезды

Выбранные места из воображаемого интервью балерины

ческую образную действительность. Я не сомневаюсь, что в трагической ауре балерины генетически присутствуют арест и гибель отца в лагере (хотя она этого не видела и, возможно, в 13 лет не понимала), арест матери, скитания, страхи, сдавленные крики, носившиеся в воздухе того времени вперемежку с бравурной музыкой из «Волги-Волги» и «Цирка»...

Недавно я напал на описание этого, как во время французской революции после 9 термидора устраивались «балы жертв» — в них участвовали члены семейств, в которых кто-либо был казнен. Полубоязнившие аристократки, похожие на простолюдинов, и проститутки, неотличимые от дам высшего общества, при неярком свете свечей, а то и при луне, собирались на кладбищах и между погребений, на могильных плитах танцевали с кавалерами, имитируя судорожные движения головы и тела, падающих под ударами ножа гильотины.

Что ж, если есть в истории такие образчики чуть ли не прямого переливания в танец кровоточащей жизни, то что же сказать о возможностях искусства нашего изощренного времени?

У всех балетов, где Майя танцует исступление, отчаяние, где за ее спиной образуются турбулентные завихрения кошмаров, — у всех этих балетов, разумеется, есть хореографы — Алонсо, Якобсон, Бежар... Но нетрудно почувствовать, что за всем этим стоит незримая фигура главного хореографа — нашего прекрасного и яростного вела.

Поверх барьеров

Как-то в интервью она сказала, что могла бы танцевать все, вплоть до Пикассо. Здесь выражалась не только ее темперамент, но и понимание неисчерпаемой природы ее искусства — балета. Собственно, кто она? Только ли балерина? Я

вами о погоде, но она не вся здесь, она в своем полете. Вряд ли понимает птица чудо и счастье воздухоплавания. Для нее это естественно, она с этим родилась. Но чудо и счастье испытывает Майя, испытывает персонаж картины Марка Шагала «Небесный музыкант», потому что им-то летать не дано было от природы, они для себя отменили принципы физики, преодолели тяготение, предписанное «смертным законом Ньютона» (слова М.М.). Таков мир религий, мир искусства.

В этом воображаемом интервью мне хотелось поговорить с М.М. о больном вопросе — уход из Большого... Приходилось слышать о ее сложном характере. Но и сама М.М. судит себя резко. «Я всегда была конфликтна. Могла обидеть человека просто так, несправедливо», и т.д. Можно говорить про интриги, про то, как чекисты следили за каждым шагом, как отреагировал тогдашний председатель КГБ Серов на отчаянный звонок М.М. по вертушке из кабинета Минкультуры (группа выезжала в Лондон на гастроли, а ее не взяли)... Но все это будут причины и резоны обычных нормальных земных людей. Главным же для нее была угроза ее невесомости, уступка тяготению, физике, неспособность ходить по воде в дивном пространстве своего искусства.

Ее Кармен была тем самым «вплоть до Пикассо». И когда Фурцева сказала про нее: «Вы сделали из героини испанского народа женщину легкого поведения», она решилась. Закрыли-запретили тогда не ее шедевр, не роль, не партию. Закрыли-запретили ее саму. Это был творческий арест. Духовная и гражданская казнь. Нож в сердце. Судьба персонажа исполнительница.

За все эти муки ей бы простили все, в том числе побег на Запад. Но есть вещи, которые че-

тического общения с балериной могут возникнуть помехи в связи. Но договорю. Именитые люди, выходя за пределы своего поприща, нередко впадают в ложную многозначительность и ненатуральный пафос. Книгу М.М. часто сравнивают с книгой Галины Вишневской. Но достаточно сравнить ее с другой книгой — с воспоминаниями Надежды Мандельштам, чтобы понять, о чем идет речь. У Надежды Яковлевны просто немыслимо прочесть фразы типа: «Даю вам совет, будущие поколения. Не смирайтесь до последнего мига...» и т.д. Ну а как быть хотя бы со строкой из Пушкина? — «Смиришься, о гордый человек!»

Или те несчастные, едко написанные страницы про изменения замужних балерин, называемых по имени? Достойно ли сплетничать, писать донос, пусть теперь просто богине истории Клио? И разве не ясно, что частная жизнь кого бы то ни было — это самая беззащитная территория, потому что она охраняется лишь тактом и честью невольных свидетелей? И эта странная, будто бы извиняющая ее приписка к амурным сюжетам: «Я была еще девственна, и мне было не до генералов».

Хотите знать мое мнение? Я думаю, что и к недостаткам таких людей нельзя подходить с обычной меркой. Нет, ну нет на нее зла. Она будет опять «притворяется» стопроцентной землянкой со всеми вытекающими отсюда нормальными земными «бабыми» недостатками, «делает вид», что ничего человеческое ей не чуждо. А сама она далека, в разреженном пространстве своего горного одиночества.

Вопрос о самом дорогом подарке

Даже в телепатическом варианте интервью нельзя злоупотреблять временем балерины, хотя о